

Александр Гарцев

Сказитель

Александр Гарцев

Сказитель

«Автор»

2026

Гарцев А.

Сказитель / А. Гарцев — «Автор», 2026

Новая повесть известного сетевого писателя Александра Гарцева «Сказитель» — это подарок любителям хоррора, жесткого психологического триллера и мистики. Декабрь 1999 года. Студенты-фольклористы едут в глухую вятскую деревню у истоков реки — туда, где карты врут, а дороги кончаются. Их цель: записать древние сказы, пока время не стёрло их навсегда. Научный руководитель Влад одержим легендой о «Ключ-сказе» — тайной песне, которую поёт только земля. Но в Заболотье их ждёт не фольклор. Две старухи с молодыми голосами, дом, где половицы дышат, и ночные тени, которые умеют говорить. И каждый вечер Сказитель — древний дух, переполненный чужими страхами — приходит за новой историей. Психологический хоррор о границе веков, где смешались наука и колдовство, студенческая смелость и древняя, как тайга, тоска. «Сказитель» — повесть, после которой вы перестанете бояться темноты. Вы начнёте её слушать.

© Гарцев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ. «РЕКА ПОМНИТ ВСЕХ»	5
ГЛАВА ВТОРАЯ. «ПОЮЩАЯ ПЕЧЬ»	8
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. «ТЕНИ ГОВОРЯТ ТИШЕ, ЧЕМ СВЕТ»	11
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. «ВКУС ТВОЕЙ ТЕНИ»	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Александр Гарцев

Сказитель

ГЛАВА ПЕРВАЯ. «РЕКА ПОМНИТ ВСЕХ»

Декабрь 1999 года. Вятский север. Истоки.

1.

УАЗик выдохся на двадцатом километре бездорожья.

Он стоял посреди белого безмолвия, задрал капот, как издыхающий лось, и из-под его радиатора валил пар — последний живой вздох советского автопрома. Тишина навалилась сразу, со всей тяжестью декабрьской тайги. Она была не просто отсутствием звука, она была плотной, почти осязаемой, как свежий войлок, которым здесь, говорят, утепляют могилы, чтобы мертвые не промерзли до весны.

— Ну всё, — сказал Егор Сабуров, вылезая из-за руля и с хрустом выпрямляя спину. — Приехали. Буквально.

Он пнул колесо — резина глухо охнула, и в ответ где-то в глубине леса метнулась короткая перебранка: кто-то с кем-то не поделил сухую ветку. Или не ветку вовсе.

Алиса Ветрова сидела на заднем сиденье, подтянув колени к подбородку, и смотрела на карту. Карта была старая, ещё из атласа восьмидесятого года, с выцветшими квадратиками лесов и полустёртыми названиями деревень, которых уже двадцать лет как не существовало. «Малые Пучины», — прочитала она шепотом. — «Большие Пучины. Щелино. Верхние Щели. Заболотье». Последняя была обведена красной ручкой — корявый кружок, сделанный рукой Владислава Сергеевича.

— Ну что, студенты, — голос научного руководителя прозвучал из-за УАЗа, где он возился с канистрой. — Верите в науку или будем замерзать, как последние идиоты?

Владислав Сергеевич Ветлугин — Влад для всех, кто знал его дольше пяти минут — выбрался из сугроба. Ему было тридцать пять, но сейчас, в этом свете, с воспалёнными от бессонницы глазами и рыжей щетиной, он казался древним. Древним и счастливым. Будто бы именно здесь, в этом отсутствии дорог, он наконец-то вспомнил, кто он такой.

— Два километра пешком, — сказал он, бросая на снег рюкзак. — По прямой. Тропа есть, старухи обещали.

— Какие старухи? — подала голос Полина Голубева. Она сидела там же, сзади, прижимая к себе старый кассетный диктофон — единственное ценное, что взяла из дома. — Мы с ними даже не разговаривали. Ты сам сказал: «никого не будет, сплошные руины».

— Так и есть, — Влад улыбнулся той странной улыбкой, которую в институте называли «ветлугинский глаз». — Никого. Только три дома. И две бабки. Они не считаются.

— Бабки — это кто-то, — упрямо сказала Лена Ткач, распахивая дверцу и выпрыгивая в снег по колено. Она была единственной, кто не взял с собой ничего тёплого — только драные джинсы и мамину дублёнку, в которой она походила на озябшего воробья. — Бабки — это глаза, уши и сплетни. Мы вляпались?

— Мы в экспедиции, — терпеливо напомнил Влад. — Собираем фольклор. Записываем были. Показываем, что глубинка не умерла. А вы...

— А мы просто хотим пятёрки по практике, — закончила за него Алиса, складывая карту. Она вылезла последней, носки её берцев сразу промокли. Воздух здесь пах не так, как в городе. Он пах началом. Началом чего-то такого, что уже случилось, но ещё не объявилось.

2.

Тропа оказалась не тропой, а памятью о тропе.

Она петляла между корнями, ныряла под снег и снова выныривала у замшелых валунов, которые, если верить приметам, ставили здесь ещё до татар, чтобы обозначить границу между миром живых и миром тех, кто ушёл, но не вышел. Влад шёл первым, и его поступь была странно мягкой — он ставил ногу с пятки на носок плавно, как делают охотники, чтобы не спугнуть зверя. Или как делают другие, чтобы не спугнуть то, что само на охоту вышло.

— Слушайте, — сказала Полина через полчаса хода. Она остановилась, прикрыла глаза. — Слышите? Там, впереди. Кто-то поёт.

Все остановились. Егор закатил глаза, полез за телефоном — спутниковый «Эриксон» висел у него на поясе, тяжёлый, как кирпич, и почти бесполезный. Ему хотелось верить в технологию больше, чем в уши.

— Ничего нет, — сказал он. — Ветер.

— Нет, — Полина открыла глаза. Она была бледнее обычного. — Поют. Тонко так. Де-е-е-нь за го-о-о-рой... Старушечьим голосом, но... но высоким. Как у девчонки.

Влад обернулся. На его лице не было удивления. Было узнавание.

— Это Клавдия Ефремовна, — сказал он тихо. — Она умеет так. Она говорит, что это голос из печной трубы. Труба помнит всех детей, которые когда-то в этой избе кричали.

— Что значит «помнит»? — спросила Лена, начиная нервничать. — Память не поёт.

— В этой деревне, — Влад почему-то перешёл на шёпот, — память делает всё, что хочет.

3.

Деревня называлась Заболотье.

Она встретила их не скрипом калиток и не лаем собак — собак здесь не было, и это было первым неправильным знаком. Она встретила их тишиной, которая стояла в трёх домах, как в трёх гробах, поставленных на попа.

Два дома были жилыми — различались по дыму, тонкой ниткой поднимавшемуся из труб. Третий, средний, с выбитыми стёклами и чёрным провалом двери, молчал. В его окнах, если долго вглядываться, можно было разглядеть что-то вроде лица — не лица, а отражения лица, которое смотрело на тебя из темноты.

— Сюда не ходить, — коротко бросил Влад, кивая на третий дом. — Там пол провалился.

— А кто живёт в крайнем? — спросила Алиса.

— Хранители, — Влад снова улыбнулся своей странной улыбкой. — Так они себя называют.

Клавдия Ефремовна оказалась маленькой, сухой, как прошлогодний гриб, старухой с удивительно белыми и ровными зубами. Она сидела на лавке у окна и перебирала сушёные травы, разложенные на газете «Правда» за 1987 год. Когда студенты вошли, она не обернулась.

— Идите к Матрёне, — сказала она голосом, в котором не было возраста. — Вам у меня не ночевать. У меня дом старый, я сама во сне хожу, задушу ненароком.

— Не задушите, — весело ответил Влад, но Алиса заметила, как дёрнулась его щека. Он вспомнил что-то. Вспомнил и выбросил.

Матрёна Тихоновна, напротив, оказалась говорливой, пухлой, с лицом, похожим на печёное яблоко. Она расцеловала всех девочек, перекрестила Егора и выдала каждому по кружке горячего сбитня — напиток тёмного, сладкого, с привкусом полыни и, как показалось Полине, чего-то ещё. Кровяного. Но она не стала спрашивать.

За ужином — картошка с солёными груздями — Влад достал диктофон, поставил его на стол.

— Клавдия Ефремовна, — сказал он почтительно, — мы к вам за сказом. За тем самым. Про исток.

Старуха отложила травы. Посмотрела на него. И вдруг улыбнулась — той улыбкой, от которой мороз идёт не по коже, а по позвоночнику, до самого копчика, где, по поверью, сидит древняя сила.

— А ты готов, Владушка? — спросила она. — Ты её уже слышал. В детстве. От бабки своей. Только забыл.

Влад побелел.

— Откуда вы знаете про бабуку?

— Дорога сюда одна, — старуха вздохнула. — А память — другая. Я твою память узнала, как только ты дверь открыл. Ты от неё бежишь полжизни. А она — она здесь живёт. В каждой половине. В каждой ветке. Иди спать. Завтра спую.

4.

Ночью Алиса не спала.

Она лежала на полатях, поверх старого ватника, и слушала, как дышат девчонки. Полина что-то бормотала во сне — складывалось впечатление, что она разговаривает с кем-то очень вежливым. Лена храпела, но тихо, стеснительно.

А потом началось пение.

Оно шло не со стороны избы Клавдии. Оно шло из-под земли. Тонкое, многоголосое, как будто под полом сидел хор детей и выводил не мелодию, а предупреждение:

«Не ходи-и-и к воде-е-е... Там Куделька-а-а прядё-о-от... Из живых живые ни-и-и-ити...»

Алиса села. Сердце колотилось так, что, казалось, его стук слышат в тайге.

Она спустилась с полатей, босиком на доски. Доски были холодными, как лёд. И пульсировали. Как будто под ними билась огромная жила.

Она подошла к окну. Месяц висел низко, жёлтый, больной, и в его свете она увидела его.

Посреди улицы стоял Влад.

Он был раздет по пояс, и на его коже, на груди и на спине, шевелились узоры — не татуировки, не рисунки, а настоящие, живые линии, которые перетекали, как вода. Его голова была запрокинута назад, и он что-то пел — беззвучно, одними губами. А напротив него, в воздухе, колыхалась тень. Не его тень. Чужая. Слишком большая. С двумя головами.

Алиса хотела закричать, но не смогла.

Потому что в этот момент Влад открыл глаза и посмотрел прямо на неё. Сквозь стекло. Сквозь холод. Сквозь полвека страхов, которые она в себе носила.

И ухнул.

Как филин. Как леший. Как тот, кто уже не помнит, как звучит человеческий смех.

Она отшатнулась от окна, упала на пол и закрыла лицо руками. А когда через минуту подняла голову — на улице никого не было. Только снег. Только месяц. Только тишина, которая теперь не казалась тишиной. Она казалась ожиданием.

5.

Утром Влад вышел к завтраку весёлый, с красными от мороза щеками, и спросил:

— Ну что, студенты, как спалось?

Его голос был его голосом. Но Алиса знала, что слышала ночью. И знала, что за чаем, когда Влад брал кружку, его пальцы легли на керамику ровно так, как кладут лапу на ветку звери, которые не умеют держать кружки.

Но она промолчала.

Потому что в экспедициях, как в сказках, правда не спасает. Правда только приближает то, чего ты боишься.

ГЛАВА ВТОРАЯ. «ПОЮЩАЯ ПЕЧЬ»

1.

Утро в Заболотье наступило не по календарю, а по настроению.

Сначала запели петухи — невидимые, откуда-то из-за тайги, где, по уверениям Клавдии Ефремовны, «птица вообще не водится, потому что место гиблое». Потом тьма за окном стала серой, потом сизой, потом в щели ставней пролез первый луч — жидкий, хилый, декабрьский. И тогда проснулась Матрёна Тихоновна.

Она встала неслышно, как привидение, и уже через пять минут в доме пахло топлёным молоком и мятой. Студенты выползали из своих углов заспанные, с синими кругами под глазами — никто не спал хорошо. Даже Егор, который вчера бахвалился, что «в тайге ему хоть на голых камнях спать», всю ночь ворочался и разговаривал во сне. На странном языке. Никто его не понял, но Полина записала обрывки на диктофон, сама не зная зачем.

— Садитесь к столу, — Матрёна Тихоновна не спрашивала, она приказывала, но тихо, будто боялась разбудить того, кто спит под полом. — У нас сегодня день трудный. Клавдия петь будет.

— А что в этом трудного? — спросила Лена, с аппетитом набрасываясь на кашу. — Посидим, послушаем, запишем. Красота.

— Трудное не в пении, — старуха посмотрела на неё водянистыми глазами, и в их глубине, на секунду, что-то блеснуло. То ли слеза, то ли блик от лампы. — Трудное в том, что сказ вас услышит. И вы ему ответить должны. Правильно. Иначе он в вас войдёт. Как в Владушку вчера.

За столом повисла такая тишина, что слышно было, как за стеной скулит половица. Или не половица.

— Что значит «вошёл»? — переспросил Егор, откладывая ложку. — В каком смысле?

Матрёна Тихоновна перекрестилась трижды, мелко, часто, почти злобно.

— Сказ — он живой. Старше всех нас. Он словом сделан, а слово, когда его много раз повторяют, обретает плоть. Плоть памяти. А память, если она сильная, может занять тело. Влад ваш... — она запнулась, подбирая слово, — ...носитель. Он с детства этот сказ в себе растил. А теперь сказ дорос.

— Так надо было не везти его сюда! — почти закричала Алиса. Она сама не ожидала от себя такого крика, но внутри всё сжалось в узел — тот самый узел, который завязался прошлой ночью у окна.

— Надо, — кивнула старуха. — Только он бы и без вас пришёл. Всё равно. Потому что он — зовущий. А зовущие всегда возвращаются в то место, где их в первый раз укусила сказка.

2.

Влад появился через час. Он был выбрит, свеж, пах одеколоном «Шипр» и держал под мышкой толстый блокнот в кожаной обложке.

— Готовы? — спросил он с порога. — Клавдия Ефремовна ждёт. Говорит, время подходящее — солнце встало, а месяц ещё не сел. Два светила в небе — два слуха у земли. Сказ, сказанный в такой час, точно запомнится.

— На кой нам, чтобы он запомнился? — буркнул Егор, но тихо. Взгляд Влада, когда тот повернулся к нему, был слишком долгим. И во рту у доцента, когда он улыбнулся, показалось слишком много зубов. Но это, конечно, была игра света.

В избе Клавдии Ефремовны было темно, даже несмотря на утро. Окна здесь выходили на север, а север, как известно, любит прятать. Старуха сидела на том же месте, у печи, но сегодня на ней был другой платок — чёрный, с вышитыми красными петухами. И странный пояс, вязанный, с узелками, которые, если присмотреться, складывались в руны.

— Садитесь в круг, — велела она. Голос её изменился: стал глубже, с хрипотцой, будто говорил не один человек, а несколько. — Руки положите на колени ладонями вверх. Не скрещивайте ноги — перекроете течение. И молчите. Пока я не спрошу.

Влад сел первым, послушно, как ученик. Он смотрел на старуху с таким благоговением, что Полине стало не по себе. Она изучала психологию и знала: такое выражение лица бывает у людей, которые вот-вот передадут себя другому. Добровольно. С радостью.

Клавдия Ефремовна закрыла глаза. Долго молчала. Печь за её спиной вдруг вздохнула — дверца слегка приоткрылась, и из топки пахнуло не дымом, а чем-то сладковатым, похожим на вяленые яблоки и... медный привкус.

— В старые годы, — начала она, и её голос поплыл, закачался, как поплавок на тёмной воде, — когда ещё река Вятка не знала, что она река, а была просто памятью о дожде, в тех местах, где сейчас мы сидим, стоял камень-ворон. Чёрный. Гладкий. И каждую ночь на этот камень садилось то, что старше богов. Не Перун, не Велес, а Слово. Простое слово. «Расскажи».

— И земля рассказывала. Всё. Как росли травы, как умирали лоси, как дети в колыбелях видели сны о будущем, которого не случится. И те, кто приходил к камню и молчал три дня, получали дар — слышать язык всего, что не умеет говорить. Листьев. Воды. Теней.

Она замолчала. В избе стало тихо. Так тихо, что Алиса услышала, как на потолке, над печью, скребётся коготь. Или не коготь.

— А потом пришли другие люди, — голос Клавдии Ефремовны сломался на полуслове, и из него пошел потёк, как смола из надрезанной берёзы, второй голос. Молодой. Звонкий. И страшный своей молодостью, потому что молодым голосом пела смерть. — Они забыли, как молчать. Они заговорили всё. И тогда Слово рассердилось. И ушло в землю. И стало ждать.

— Чего ждать? — вырвалось у Лены.

Старуха открыла глаза. На долю секунды Алисе показалось, что глаза эти — не её. Что в них смотрит кто-то огромный, древний, с вертикальными зрачками, как у козы. Или у того, кто ходит по крышам по ночам.

— Когда придёт рассказчик, — прошептала Клавдия Ефремовна. — Который не просто запишет сказ, а станет им. Впустит в себя всё, что земля накопила. И тогда — тогда граница сотрётся. И мёртвые заговорят голосами живых. А живые... живые вспомнят, кем они были до того, как родились.

3.

Она пела три часа.

Песня менялась: то плавная, как колыбельная, то рваная, с выкриками и всхлипами, то вдруг обрывалась и начиналась снова, но уже не с того места, а до того, будто время заиклилось. Влад записывал на диктофон и в блокнот одновременно, его руки летали, как крылья, но лицо... лицо было чужим. Он улыбался не своей улыбкой — широкой, ненасытной, как у волка, который нашёл тёплую кровь.

Студенты сидели в кругу, окаменев. Полина плакала — по щекам текли слёзы, и она не могла их остановить, потому что не знала, отчего плачет. Егор то бледнел, то краснел, его кулаки сжимались и разжимались в ритме песни. Лена уставилась в одну точку — на темнеющее пятно на стене, которое, казалось, дышало. А Алиса...

Алиса видела.

Она видела, как в углу избы, за печью, кто-то стоит. Ростом с ребёнком, но тень его тянулась до потолка. И этот кто-то смотрел на Влада и повторял за Клавдией каждое слово, но беззвучно, одними губами. И эти губы были... чёрными. Не покрашенными — чёрными, как головешки.

— ...и тогда Сказитель возьмёт своё... — выводила старуха.

— ...возьмёт своё... — беззвучно шевелил губами ребёнок за печью.

— ...и не останется ни одного рассказчика, который помнил бы правду...

— ...который помнил бы правду...

— ...только ложь... — голос Клавдии дрогнул, закашлялся, и песня оборвалась. Старуха схватилась за горло, задышала часто-часто, и изо рта у неё вылетела не слюна, а моток ниток. Тонких, льняных, почему-то красных.

— Баб Клав! — Матрёна Тихоновна метнулась к ней, подхватила, усадила на лавку. — Хватит, всё, хватит, матушка, не надрывайся.

Старуха отмахнулась, но её лицо было серым, как зола. Она посмотрела на Влада — долго, изучающе — и вдруг прошептала так, чтобы слышал только он:

— Получил своё, Владушка? Узнал? Та самая сказка, что бабка тебе пела? Та, от которой ты в пять лет в жар бросало?

Влад не ответил. Он закрыл блокнот, спрятал диктофон и встал. Походка его была иной — лёгкой, почти парящей. Он подошёл к печи, положил ладонь на нагретый бок. И засмеялся.

Смех был нечеловеческий. Клокочущий, ухающий, с призвуком падающих камней.

— Она пела не то, — сказал он чужим голосом. — Она пела то, что помнит. А я хочу то, что будет. И я это получу.

Он вышел вон. Дверь за ним не закрылась — она впиталась в косяк, как дым.

4.

Только тогда Алиса заметила, что в избе стало холодно. Не просто зябко — промозгло, как в склепе. Окна покрылись инеем изнутри. На стёклах, если приглядеться, проступили слова. Древние, нечитаемые, но почему-то пугающие до рвоты.

— Он вошёл в силу, — сказала Клавдия Ефремовна, вытирая рот. — Я видела. Ваш Влад теперь не ваш. Там, внутри, теперь сидит тот, кто пел моей бабке. И её бабке. И так — до самого камня.

— А кто это? — спросил Егор. Он держался за рукоятку ножа, хотя нож вряд ли помог бы.

— Сказитель, — ответила старуха. — Тот, кто собирает все страхи мира, чтобы рассказать их в один вечер. В тот самый вечер, когда старое время кончается, а новое ещё не началось. — Она посмотрела на календарь, оторванный листок с надписью «19 декабря 1999». — Сегодня последний спокойный день. Завтра он начнёт вас напевать. И вы будете слышать то, что боитесь услышать.

— А можно уехать? — быстро спросила Лена.

— Мост сломался, — грустно сказала Матрёна Тихоновна. — Да и не пустит он. Уже не пустит. Сказка заперла круг.

Полина, которая всё это время молчала, вдруг подняла голову. Глаза у неё были бешеные, зрачки расширены.

— Он сейчас в доме у парней, — сказала она голосом, который не был её собственным — голосом всего, что она слышала. — Он перебирает их вещи. Ищет что-то. Что-то живое. У кого-то из них есть...

Она замолчала, схватилась за голову и закричала.

А из печи, в ответ, запели.

Тонко. Детскими голосами.

Песню о том, как из костей вырастают цветы, а из цветов — глаза.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. «ТЕНИ ГОВОРЯТ ТИШЕ, ЧЕМ СВЕТ»

21 декабря 1999 года. Заболотье. 7:47 утра.

Погода: ясная до обмана — солнце низкое, белое, без тепла. Мороз градусов под тридцать, воздух сухой и звонкий, как разбитое стекло. Каждый звук слышен за версту: скрип снега под ногами, стук сердца в груди, а иногда — чей-то шёпот, который, кажется, идёт от самой земли.

Место: изба Матрёны Тихоновны. Единственный дом, где печь топится «по-живому» — не просто углями, а берёзовыми поленьями, которые пахнут детством и чем-то ещё, забытым. На стенах — половики из старых тряпок, на полках — пузырьки с травами. И странная тишина: даже мыши не скребутся. Будто дом затаил дыхание.

1.

Солнце в Заболотье не грело, а высвечивало — каждую трещину в бревне, каждую пылинку в воздухе, каждую морщину на лице Матрёны Тихоновны, которая сидела у печи и перебирала чётки. Не молитвенные — чёрные, из обсидиана, с узлом на конце. Узел был завязан так хитро, что, если долго на него смотреть, начинало казаться, будто он двигается.

Студенты собрались вокруг стола. Полину уложили на лавку — она всё ещё была бледной, с мокрыми висками, но дышала ровно. Лена кипятила чайник на плите, злая и сосредоточенная, как хорек. Егор сидел нахохлившись, его самодельный нож лежал перед ним на столе — Егор ни за что не признался бы, но он боялся этого ножа. Потому что сегодня утром, когда он достал его из чехла, на лезвии была кровь. Свежая. Чья-то. Не его.

Алиса стояла у окна, вглядываясь в улицу. Деревня просыпалась неправильно. Из трубы Клавдии Ефремовны шёл дым — чёрный, густой, хотя старуха не топила печь со вчерашнего вечера. Дым не поднимался в небо, а стелился по земле, облизывая сугробы, и там, где он касался снега, оставались тёмные пятна — будто снег плавился. Или горел.

— Надо уходить, — сказала Алиса, не оборачиваясь. — Сейчас. Пока светит солнце.

— Мост сломан, — напомнил Егор угрюмо. — Мы проверяли вчера. Бревна перебиты. Не насквозь, а так... будто их перегрызли. Зубами. Следов никаких.

— А спутниковый телефон? — Лена обернулась с чайником в руке. — У тебя же этот... кирпич.

Егор достал аппарат из рюкзака, нажал кнопку. Экран засветился мёртвым зелёным, побегал по шкале — и погас.

— Нет сигнала, — сказал он. — Вообще. Даже помех нет. Будто мы под колпаком.

— Мы под колпаком, — тихо сказала Матрёна Тихоновна, не поднимая глаз от чёток. — У Сказителя колпак. Он тишину навёл. Не для ушей — для железа. Железо не любит, когда его слушают старые вещи.

— Какие старые вещи? — спросила Алиса, наконец оборачиваясь.

Старуха подняла голову. В её глазах, обычно мутных, сегодня была ясность — пугающая своей трезвостью.

— Половицы, — сказала она. — Печные заслонки. Ножи. Серпы. Всё, что помнит происхождение живого тепла. Они между собой говорят. Я их слышу. Они говорят: «Гость пришёл. Не тот, кто спросит. Тот, кто заберёт».

2.

Влад не появлялся к завтраку. Его дом — крайний, тот, который с резными наличниками и чёрным крыльцом — молчал. Окна были закрыты ставнями, но не изнутри. Снаружи. Будто кто-то из леса пришёл и закрыл Влада, чтобы не вышел. Или чтобы никто не вошёл.

— Может, его уже... — начала Лена и осеклась.

— Не думай, — оборвал Егор. — Он живой. Я слышал ночью, как он смеялся. Только смех был... не с той стороны.

— С какой?

Егор помолчал. Потом показал пальцем в пол.

— Оттуда. Из-под земли.

Полина на лавке застонала и открыла глаза. Зрачки её были неестественно широкими — такими бывают у кошек в темноте или у людей, которые видят то, что не должны.

— Он ходит, — сказала она хрипло. — Сейчас он не в доме. Он в лесу. У истока. Стоит на том самом камне, про который пела Клавдия. И... и он не один. С ним кто-то. Большой. С рогами. Но рога — это не рога. Это ветки. Он весь из веток. И из... из букв.

— Из букв? — переспросила Алиса.

— Буквы бегут по нему, — Полина закрыла глаза, и по её щекам снова потекли слёзы, но теперь она не плакала — слёзы текли сами. — Старославянские. Я их узнаю. Я их никогда не учила, но я их помню. Они значат: «Слушай. Рассказывай. Запоминай. Умри».

— Хватит, — Матрёна Тихоновна встала, подошла к Полине, положила руку ей на лоб. Ладонь у старухи была горячей, как печной кирпич. — Выйди из неё, девочка. Ты не приёмник. Ты гостя. У тебя есть право не слышать.

Полина дёрнулась, всхлипнула — и вдруг выдохнула, как выдыхают после долгого ныряния. Лицо её стало обычным: испуганным, бледным, семнадцатилетним.

— Что это было? — прошептала она.

— Сказитель искал вход, — спокойно ответила старуха. — Ты — эмпат. Ты чувствуешь других. А он — чужой. Он — все другие сразу. И ты открылась. Не открывайся больше. Держи внутри что-нибудь твёрдое. Злость. Страх. Любовь. Не пустоту. Пустота — его дверь.

3.

Они решили разделиться.

Это был глупый план, и все это понимали. Но сидеть вчетвером в одной избе, жевать картошку и ждать, когда Влад — или то, что в него вселилось — вернётся, было страшнее, чем идти. Страх, если он сидит на месте, превращается в паралич. А паралич — это смерть.

— Я иду к истоку, — сказал Егор. — Посмотрю, что там. Может, сигнал появится. Или дорога.

— Один не ходи, — попросила Лена. — Возьми меня.

— Нет. Ты остаёшься с девчонками. Я быстро.

— А если нет? — спросила Алиса.

Егор посмотрел на неё. Секунду помедлил — и достал из кармана маленькое круглое зеркальце.

— Если через три часа не вернусь, — сказал он, — выходите к истоку с этим. Смотрите в него, когда идёте. Зеркало отражает правду. Сказитель не любит правду, он любит... рассказы.

— Откуда ты знаешь? — удивилась Полина.

— Дед охотник был, — Егор пожал плечами. — Говорил, в лесу всякое бывает. И если видишь не то — смотри в отражение. Оно показывает, кто на самом деле перед тобой.

Он надел рюкзак, сунул нож за пояс и вышел. Дверь закрылась за ним с протяжным в-в-в-о-о-ой — так стонет старая сосна, когда в неё вгрызается ветер.

Лена подошла к окну.

— Пошёл, — сказала она. — По тропе. Быстро.

— Смотри, как он идёт, — прошептала Алиса, подходя ближе.

Егор шёл не своей походкой. Слишком плавно. Слишком бесшумно. Как будто под ним был не снег, а вода. И ещё: его тень, которую декабрьское солнце отбрасывало далеко вперёд, была длиннее, чем нужно. И у неё было две головы. Одна — Егора. Вторая — пустая.

— Остановите его, — выдохнула Полина, но было поздно.

Егор свернул за поворот — и исчез. Не ушёл — исчез. Будто его проглотил воздух.

И в тот же миг за окном, там, где только что шёл человек, начался снегопад. Снег падал крупными хлопьями, но не белыми, а серыми, цвета старой кожи. И каждый хлопья, падая на землю, издавал тихий звук. Шёпот.

— Егор... Егор... Егор... — шептал снег. — Расскажи нам про маму. Расскажи про то, как ты боялся в темноте. Мы послушаем. Мы всё запомним. Мы всё расскажем другим.

4.

Алиса рванула дверь, но Матрёна Тихоновна схватила её за руку. Схватила так крепко, что кости хрустнули.

— Не ходи, — сказала старуха чужим голосом — голосом, в котором слышался треск костра и плач младенца. — Он уже не Егор. Он вестник.

— Какой вестник? — Алиса пыталась вырваться.

— Сказитель послал его объявить условия. — Матрёна Тихоновна отпустила руку, и на запястье Алисы остались синие следы — пять пальцев, у каждого отпечаток, но пальцы были длиннее, чем у старухи. — Он сказал: «Один ушёл. Остальные расскажут. Или останутся».

— Что расскажут?

— Страх. Самый тайный. Тот, о котором вы никому не говорили. Тот, который вы зарыли в себе так глубоко, что сами забыли, где могила. — Старуха перекрестилась в обратную сторону — слева направо. — Сказитель его выкопает. И послушает. И если страх будет вкусным — он вас отпустит. А если нет...

Она не договорила. Потому что в окно, снаружи, кто-то постучал.

Тук. Тук-тук.

Алиса повернула голову.

За стеклом стоял Влад.

Но он был не один. На его плече сидела птица — огромный ворон с человеческими глазами. А за спиной Влада, в воздухе, колыхались силуэты. Много. Они были полупрозрачными, как дым, и у каждого был открыт рот. Они не кричали. Они пели беззвучно — и от этого пения у Алисы заложило уши, а в голове возникло одно слово, громкое, как набат:

«ВЫХОДИ».

— Не открывай, — прошептала Матрёна Тихоновна.

Но Влад не ждал, пока откроют. Он улыбнулся — и сквозь стекло, не разбивая его, шагнул внутрь.

Прямо в избу. Прямо в круг живых.

И в избе стало темно, как в гробу.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. «ВКУС ТВОЕЙ ТЕНИ»

21 декабря 1999 года. Заболотье. Около 9 часов утра.

Погода: резко переменилась — солнце исчезло, будто его задули. Небо затянуло серой, низкой пеленой, но это не обычные тучи: они висят слишком низко, цепляясь за крыши. Снег пошёл снизу вверх — мелкие льдинки поднимались с земли и таяли на лету, оставляя на стёклах потеки, похожие на слёзы. Воздух стал вязким, как кисель. И пахнет — гарью, мёдом и чем-то сладковато-гнилым, от чего тошнит.

Место: изба Матрёны Тихоновны. Но теперь это не дом, а ловушка. Окна затянуло инеем с внутренней стороны, и сквозь него ничего не видно — только смутное движение серых теней. Стены дышат: бревна то расширяются, то сжимаются, как рёбра. Печь погасла мгновенно, хотя минуту назад весело трещала. В углах сгустилась темнота — не просто отсутствие света, а вещество, тягучее, почти живое. Матрёна Тихоновна сидит на лавке, прижав к груди чётки, и не шевелится. Кажется, она спит с открытыми глазами.

1.

Влад стоял посреди избы и улыбался.

Улыбка была неправильной — слишком широкой, слишком белой, слишком голодной. Его глаза, обычно карие и живые, стали чёрными. Не зрачки — весь глаз. Чёрным, как смоль, и в этой черноте, если долго смотреть, начинали загораться крошечные звёзды, складываясь в узоры. В письмена.

На плече у него сидел ворон. Но это был не ворон — когда Полина попыталась рассмотреть его внимательнее, птица вывернулась наизнанку: перья стали шерстью, клюв — мордой с оскаленными зубами, а потом снова сложилась в птицу. Она была нестабильна, как сон, который помнишь с трудом.

— Здравствуйте, мои дорогие слушатели, — сказал Влад голосом, в котором одновременно звучали и его собственная интонация, и низкий, раскатистый бас, и детский дискант, и шелест травы, и треск льда. — Как вам моя новая роль? Идёт?

Он повёл плечом, и ворон перелетел на спинку стула, оставив на свитере Влада кровавые следы от когтей — хотя когти не могли прорезать толстую шерсть. Но следы остались. И они пульсировали.

— Уходи, — сказала Лена. Она стояла у печи с кочергой в руке, и её голос дрожал, но она держалась. — Уходи из него. Слышишь, тварь?

— Тварь, — повторил Влад-Сказитель, пробуя слово на вкус. — Обидно. Я — не тварь. Я — память. Память каждого камня, каждой былинки, каждой слезинки, что упала в эту землю за тысячу лет. Я бережнее вашего интернета. Я не забываю ничего.

Он сделал шаг вперёд. Половица под ним не скрипнула — она застонала, как живая.

— Вы пришли за сказкой, — продолжал он, обводя всех взглядом. — Я дам вам сказку. Но сказка — это договор. Вы отдаёте мне самое ценное, что у вас есть. А я... я рассказываю вам то, что случится с вами потом. Или не случится. Смотря по тому, насколько вы будете честны.

— У нас нет ничего ценного, — прошептала Полина, пятясь к стене. — Мы студенты. У нас... стипендия, долги, несданный зачёт...

— Не то, — Сказитель рассмеялся — горлом, животом, всем телом, и этот смех сотряс стены, с полки упала кружка и разбилась, но звон был не стеклянный, а хрустальный, будто рассыпались слёзы. — Ваше самое ценное — это страх. Тот, который вы носите в себе годами. Тот, которым не делитесь даже с самыми близкими. Я хочу его услышать. Я хочу его записать.

— Зачем? — спросила Алиса. Она вдруг перестала бояться. Или страх превратился в злость — чистую, белую, как этот неправильный снег за окном.

— Чтобы рассказать его в новом времени, — просто ответил Сказитель. — Чтобы люди 2000 года знали, чего боялись их предки. Чтобы страх не умер. Страх — это единственное, что сохраняет мир в движении. Если люди перестанут бояться — они перестанут рассказывать. А если перестанут рассказывать — я умру. Я не хочу умирать.

Он посмотрел на Алису, и в его чёрных глазах зажглась искра — узнавания.

— Ты, — сказал он. — Ты уже начала рассказывать. Ночью, у окна. Ты видела меня. И испугалась. Но ты не рассказала другим. Почему?

— Потому что... — Алиса сглотнула, — потому что я не знала, что это правда. Я думала, мне показалось.

— Показалось, — смакуя, повторил Сказитель. — Любимое слово скептиков. А что, если всё, что вам кажется — правда? Что, если мир не такой плотный, как вы думаете? Что, если страх — это просто воспоминание о будущем?

Он щёлкнул пальцами. И в избе погас последний свет.

2.

Темнота была не просто отсутствием зрения. Она была вкусом на языке — горьким, металлическим. И запахом — прелой листвы и сырой шерсти. И звуком — тихим, равномерным пульсом, будто где-то билось огромное сердце.

— Кто начнёт? — спросил голос из темноты. Не Влада — самого воздуха. — Девочки? Мальчика у вас больше нет. Егор уже в лесу. Он рассказывает мне про отца. Очень трогательно. Про то, как отец ушёл в запой и не вернулся. Как Егор ждал его на крыльце три дня в декабре. Как он до сих пор ждёт.

— Не трогай его, — выкрикнула Лена в темноту. — Он хороший.

— Хорошие рассказывают самые вкусные страхи, — ответил Сказитель. — Сладкие. С привкусом надежды.

Вспыхнул свет — но не электрический, а живой. В углу, там, где стояла старая прялка Матрёны Тихоновны, загорелась тонкая свеча. Её пламя было синим, и оно не освещало, а высвечивало — делало видимыми не предметы, а тени от предметов. И эти тени жили своей жизнью: тень печи ползла по стене, как огромная улитка; тень стола сворачивалась в клубок; тени девушек — Полины, Лены, Алисы — стояли отдельно от них, взявшись за руки, и их тени улыбались.

— Видите? — ласково спросил Сказитель. Он стоял у прялки, и его тень была одна — но какая! — она занимала всю стену, и в ней двигались фигуры. Множество фигур. Старухи с косами, дети с открытыми ртами, звери, которых не бывает, — и все они что-то шептали.

— Я не боюсь, — сказала Лена, но кочерга в её руке дрожала.

— Врёшь, — спокойно ответил Сказитель. — Ты боишься, что окажешься слабой. Что не сможешь защитить тех, кого любишь. Твой страх — это бессилие. Давний. Ещё с детства, когда мама кричала на тебя, а ты не могла ответить, потому что она была права. Всегда права.

Лена всхлипнула. Кочерга выпала из её рук с таким грохотом, будто упало не полено, а целое дерево.

— Не надо, — прошептала она.

— Надо, — не унимался Сказитель. — Надо, потому что иначе ты будешь носить это в себе до старости. А я... я это заберу. Расскажи — и страх уйдёт. Останется только голос. Красивый, пустой. Ты станешь колоколом. А я буду звонить.

— Не смей! — Алиса шагнула вперёд, загораживая Лену. — Ты... ты просто... галлюцинация! Коллективная! Отравление грибами! Я читала про такое!

Сказитель посмотрел на неё с любопытством.

— Ах, ты читала, — протянул он. — Ты много читаешь. Потому что книги — это безопасный страх. Чужой. А свой ты прячешь под подушку. Как тот сон... про воду... про мальчика... как ты его не спасла...

Алиса замерла.

— Как ты... откуда...

— Я сказал: я память этой земли, — напомнил Сказитель. — Ты привезла этот страх с собой. Ты привезла его в каждой клетке, в каждом вздохе. А я просто... услышал. Тоненько так. Как комар звенит: «Это я виновата. Это я. Я. Я».

Алиса закрыла лицо руками.

3.

Матрёна Тихоновна очнулась.

Она встала с лавки — медленно, с трудом, будто её кости примерзли к дереву. Подошла к прялке, заслонила синюю свечу собой. И заговорила. Негромко, но твёрдо:

— А ты забыл, Сказитель, что у страха есть хозяин. Не ты. Страх принадлежит тому, кто его пережил. И никто не может забрать чужой страх силой. Только по доброй воле. Так по закону. По древнему.

Сказитель поморщился — впервые за всё время его лицо исказила гримаса боли.

— Закон... — прошипел он. — Вы, люди, придумали законы, чтобы спрятаться от меня. Но ваши законы — это тоже страх. Страх хаоса.

— Наш закон — это слово, — возразила старуха. — А ты — служитель слова. Так слушай: не возьмёшь чужого без спроса. Понял? Не имеешь права.

— Имею, — Сказитель дёрнулся, его тело на секунду стало прозрачным, и сквозь него виден был Влад — настоящий Влад, связанный, с кляпом во рту, с ужасом в глазах. — Потому что я — Сказитель. А сказителю всё позволено. Ему нужно знать всё, чтобы рассказать всё.

— Тогда слушай меня, — сказала Матрёна Тихоновна, и голос её вдруг окреп, зазвенел, как натянутая струна. — Я расскажу тебе свой страх. Добровольно. А взамен ты отпустишь девочек.

Сказитель замер. Ворон на спинке стула склонил голову, и глаза его — человечьи, серые — расширились.

— Ты? — удивилась сущность. — Твоя жизнь — на исходе. Твой страх уже почти мой. Он как старая книга — рассыпается.

— А ты переплети его заново, — усмехнулась старуха. — Если сможешь.

Она сняла с шеи чётки — чёрные, обсидиановые — и повесила их на прялку. Синий огонь лизнул камни, и они засветились изнутри багровым.

— Я боюсь, — начала она, — не того, что умру. Я боюсь, что после меня никто не вспомнит, как завязывать узел на счастье. Как заговаривать молоко, чтобы не скисло. Как находить дорогу домой по звёздам, если сбился с пути. Я боюсь, что моё знание — последнее. И оно умрёт со мной.

— Правильный страх, — кивнул Сказитель. — Сладкий. Горький. Продолжай.

— Я боюсь, что молодёжь... — она посмотрела на Алису, Лену, Полину, — что они останутся без нитки. Без компаса. Что их будет вести только железо и цифра. А железо — оно глухое. Цифра — она слепая. И они заблудятся в таком мире, в котором даже я не смогу им помочь.

— Это уже не страх, — Сказитель нахмурился. — Это пророчество. Я беру только страхи, а не предсказания.

— А это и то, и другое, — сказала Матрёна Тихоновна. — Потому что я боюсь, что моё пророчество сбудется. И это самый большой страх.

Она замолчала. Синяя свеча погасла — но не резко, а постепенно, будто уходя в сон. В избе снова стало серо, морозно, по-декабрьски обыденно. Сказитель отступил на шаг, и его лицо — лицо Влада — на секунду стало человеческим. Обычным. Усталым.

— Хватит на сегодня, — сказал он чужим, уставшим голосом. — Я взял твой страх, бабка. Отдам его новому времени. А девочек... девочек я отпущу. Пока. Но они ещё вернутся. Потому что они сами захотят узнать, кто они на самом деле.

Он развернулся и пошёл к двери. И стена — та самая, бревенчатая, — расступилась перед ним, как вода, пропуская его наружу. За стеной был не лес. За стеной была чернота, в которой горели два жёлтых огня — глаза огромного зверя.

Или не зверя.

И когда стена сомкнулась, Матрёна Тихоновна тяжело осела на пол, и девочки бросились к ней.

— Дыши, бабушка, дыши! — кричала Лена, пытаясь расстегнуть ворот её кофты.

Старуха открыла глаза. Они были мутными, старыми, без всякой магии.

— Уходите, — прошептала она. — Сейчас. Пока он... пока он сыт. Он ушёл переваривать. Уходите к парням... нет, парня одного нет... уходите к избе Клавдии. Она знает... она знает, как вас спрятать.

— А вы? — спросила Полина.

— А я своё отжила, — старуха слабо улыбнулась. — Зато теперь буду жить в его рассказе. Вечно. Как проклятая. Или как блаженная.

Она закрыла глаза.

Девочки переглянулись. Алиса подошла к окну — иней растаял, и сквозь стекло было видно: на улице всё тот же серый снег, тот же низкий мрак. Но вдалеке, у дома Клавдии Ефремовны, горел свет. Жёлтый. Тёплый. Живой.

— Бежим, — сказала Алиса. — И не оглядываться.

Они выскочили в сени, и в тот же миг за их спинами, в избе, что-то рухнуло с глухим стоном. Будто рухнула сама память о Матрёне Тихоновне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.